

Астафьев Виктор Петрович Слякотная осень astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Почти четверть века минуло с тех пор, но в уральской деревне Выдрино все еще помнят то лето и длинную, слякотную осень. Весной было велено запахать под кукурузу заливные луга по излучине реки и вокруг Пашкинских озер, луга, от веку кормившие выдринский скот, а значит, и самих выдринцев. Само Выдрино расположено на крутом бугристом яру. Под яром, среди озер темнел старыми крышонками хутор Пашкино, бывший когда-то опорой и надеждой всего села. Да случилось так, что хутор вовсе обезмужичел после войны. Часть изб в нем завалилась, часть была продана и сплавлена в другие места, в оставшихся прохудившихся избенках жили и работали бабы-солдатки, уж вроде бы притерпевшиеся ко всяким бедам. Но и они зароптали, а потом испуганно замерли, когда заливные луга пошли под плуг и на верхних пашнях клевера порушили, приготовив землю под какие-то бовово-чечевичные культуры. Пашкинские и выдринские жители садили бобы по бороздам огородных гряд – для потехи и лакомства ребятишкам, и не верили в их полезительность и серьезность. Да и не взошли они, эти заморские бобы, на каменистой и песчаной уральской почве. Кукуруза, правда, проклюнулась, дала росток, пока прела под нею мокрая земля, но как сушь занялась, наносная земля без травы стала трескаться, кукуруза изогнулась вопрошительным знаком и в таком виде стояла до тех пор, пока стебельки ее ветром измочалило, поотрывало от земли и унесло куда-то. В тот год все как-то беспокойно было, дуло и дуло со всех сторон. Сухими ветрами поднимало с гор и клубило тучею землю над рекой, над озерами, над Пашкинским хутором. Черные от работы и переживаний военных лет, пашкинские бабы вовсе сделались как головешки: на зубах у них хрустел песок, и похлебка или картофель, вынутые из печи, тоже хрустели. А тут еще беда – в самую сушь, в зной самый на молочной ферме кто-то заронил искру, и отбитую от села ферму моментом сожрал пожар. Полтора ста голов скота сгорело. И тогда районное начальство, твердой рукой спускавшее по селам директивы, что сеять, как и чем кормить скот, свиньям велело давать даже верхний слой со дна озер – питательно, дескать, и научно; свиньи же у пашкинцев какие-то отсталые оказались: нажравшись донной грязи, запоносили и передохли; твердой же рукой и многодумной головой решило судьбу выдринского колхоза: председателя с работы снять и посадить в тюрьму, выдринцев преобразовать в бригаду и передать со всем скарбом и убытками крепкому колхозу "20 лет Октября", правление которого находилось верстах в сорока от Выдрино, за рекой, за тайгой и болотами. Председатель колхоза "20 лет Октября" с бухгалтером и двумя правленцами пробился на тракторе в Выдрино, походил, походил, искурил три пачки папирос и крякнул, как осевший брус на старой избе: "Вот это хомут так хомут нам надели! И потника на нем нету. Одни клещи..." Вечером он маленько выпил со своим однополчанином и соратником по окопам Еремеем Чердаковым, всю ночь напролет проговорил и прокряхтел на полатах, сквозь зубы матеря клопов, судьбу свою, необходимую бабу Еремея, самого Еремея он наматерил утром и назначил бригадиром. Еремей Чердаков принял бригадирство мрачно, однако безропотно. Вернувшись с войны в конце сорок третьего года по инвалидности, он переведал всякое. Был он и председателем колхоза, и замом, и парторгом, и бригадиром, и пастухом. Небольшого ростика, плотный, чуть кривоногий, в рыженькой щетинке, с рыженькими же, с годами истончившимися детски-пуховыми волосами на голове, он всегда бодро повторял одно и то же: "Ничего, бабы, не робей!.. Бывает хуже..." – и помогал колхозникам чем только мог, даже собственной плотью. В Выдрино половина ребятишек были рыжей масти. Жена Еремея спервоначала нервничала, окна била у соседок, после смирилась, всех ребят стала звать Чердаковыми и даже хвасталась: "Эвон у меня сколько мужиков-то! Под старость горя знать не стану – прокормят!" Еремей Чердаков, получив пост бригадира, ни в облике, ни в поведении не переменялся, продолжал жить так же, как жил до этого: пас уцелевшую от падежа скотину, организовывал заготовку дров для начальной школы и для учительницы, гонял ребятишек с реки, если они уже совсем от дому отбивались, уши драл без разбору, зная, что все они свои – наши, латал крыши на избах, стеклил окна, подпер в Пашкино завалившуюся овчарню с озерной стороны и велел починить невод да сбиваться на лодочный мотор, чтобы купить его в складчину. В селе, между тем уже и без того наполовину обезлюдившем, заколочено было еще несколько изб, и хозяева их потихоньку отбыли в неизвестном направлении. Бывало уже, спасали выдринцев Пашкинские озера – в сорок шестом году все лето и осень булькались в них, цедили воду неводом. Еремей возил рыбу в леспромхоз, оттуда взамен плавил хлеб, соль, керосин, иной раз и сахарку ребятишкам. Приободрились бабы, они хорошо понимали: пока Еремей Чердаков с ними и за них – сам черт им не брат, выживут они и дождутся лучших времен. Беречь только надо мужика, работой шибко не неволить, кормить получше и выпивку зорко стеречь – лютой на выпивку Еремей, чуру совсем не знает, после хворает, переносье у него синее делается, зубы

стучат, по вискам, по шее и под мышками пот выступает клейкий, как мед. Сам он в такую пору на свет белый не глядел, прятался на сеновале и, коли попроведает его какая бабенка, сиплым, сгоревшим голосом кричал, будто в лесу: "Навязались на мою голову! Брошу всех! Сбегу либо утоплю-у-уся-а-а!.." Зря он кричал, зря. Глаз у деревни зоркий, никуда он сбечь не мог, тем более утопиться. Наверное, выкрутились бы выдринцы – бедность, говорят, научит калачики есть и из куля в рогожку переодеваться, но нагрянула комиссия не ко времени, да и засиделась, распутывая сложный узел жизни села, исследуя причины пожара, а также и земельную структуру – отчего все-таки не растут бобы и сохнет здесь кукуруза. Бабы опасались, кабы не заарестовали у них Еремея, не увезли куда-нибудь. А Еремей этот – хитрован, вроде бы и хотел, чтобы его заарестовали, орал на комиссию: "Ты! Вот ты, в коверкотовом макинтоше! Сколь зарплату получаешь? Да, ты? Сколь? А ты, вот ты, говорун красногривай?.. А-а! И выходит что? Выходит, что кажин из вас, в отдельности взятый, получает больше, чем мы всей деревней! Отчего пожар лениво тушили? А зачем его тушить-то? Скотина там наша, да молоко в ей ваше! И пусть она лучше сгорит, чем в зиму останется и на деревянной пище доходить будет, блажить на всю деревню, душу нашу изорванную дорывать, пока на живодерню попадет... Отчего доходить? Вы кушать-то хотите? И она, несознательная тварь, кушать хочет! А сена где? Луга-то велено запахать под кукурузу! Где та кукуруза, мать ее распрямать! И где ч?? Куда девалось? Вредительство это самое настоящее! Надругательство это! Ты меня не стражай, не стражай! – ярился Еремей, когда его одергивали словами, вроде таких вот, привычных в ту пору: „Й-ето, што же выходит, товарищ Чердаков? Против партии, да?!“ – Я немца с автоматом видел! Пострашнее он тебя будет, да не бегивал я от него!.." Бабы ужасались: смиренный ведь мужичишко-то, не ругатель, не сквернослов. Ну, если обматерится когда на них – так все по делу, не зазря... Но вот и в нем что-то повернулось – фронтовик-боец восстал и на саму? комиссию боем!.. Спаси и помилуй, Господи, Еремея! И спас! И помиловал! Комиссия не выдержала Еремеева напора. Составила бумагу, в семнадцать страниц, и когда Еремей, не глядя, подмахнул ее, акт этот, с облегчением уехала, пообещав выдринцам помощь и содействие, а уж Еремею – взыскание – за нетактичное поведение при ответственных лицах. Меж тем наступил сентябрь. Время для сенокосов было упущено – серпами и короткой косой-колоткой бабенки пошибали кой-чего по кустам, малинникам и лесным кулигам, копны в глухих местах, чужому глазу недоступных, поставили, ночами, в вязанках таскали пустое, перестойное сенишко на повети и во дворы, укрывая его досками, хламьем и капустными вилками. Давно уж научились выдринцы быть ворами на своей родной земле, в своем дому, страшились лишь описей, которые иногда случались. Но и тут выход находили – откупались вином и самогонкой. Еремей копен в лесу "не видел", бабенок не прижимал, ему тут зимовать и жить ему, а не комиссиям и представителям разным, ему мыкать горе с бабами, отвечать за деревню и рыжих детей, полностью занимающих начальную школу от первой до четвертой группы. Небо ровно бы продырявилось той осенью. Реденькие выдринские хлеба легли наземь, и Еремей велел загонять в них скот. Картошки – беда и выручка выдринцев, которые засохли, которые вымокли. Копались бабы в грязи, с сотки добывали ведро-полтора картошек-балабошек, а тут вовсе – пришла беда – открывай ворота! – в середине октября бац мороз на восемь градусов! И оцепенели в страхе Выдрино и Пашкино: надвигалась тяжелая зима. Еремей Чердаков поднял население запасаться рябиной, ребятишек по лесу водил, как дитя малое, тешился, нагибая рябины шестом, крючок к которому сам и избрел. Он же придумал и косить по льду. От веку никто этого здесь не видал и слыхом не слыхивал, но так уж получилось: напрела в обмелевших озерах сильная осока, не успела обвянуть и другая травка – погромек водяной, жастик и щучка по бережкам и кочкам. – Эко диво! – весело удивлялись бабы, высыпав на невиданный сенокос, да и приободрились маленько. Косы по льду катались славно, примерзшая трава срубалась звонко, и скоро на всех озерах по гладкому льду темнели копны, точно муравьиные кучи. Еремей ввязался в игру и свалку, погнал банку, припадая на левую ногу, вколотил ее меж двух копен и сказал рыжеватому вратарю: – Вот как надо в сайбу играть, тудыт твою! Учитесь, пока я живой! – и бабам кричал возбужденно: – У нас свой бог, бусурманский! Он нам пропасть не даст! Случилось мне в ту пору быть по газетным делам в леспромхозе, и я заглянул попутно в Пашкино – Еремей Чердаков всегда давал мне подводу до станции, а Кузьмичиха, однозубая костлявая баба, верховодившая в Пашкине, пускала меня на ночевку. Утром я проснулся от какого-то жуткого, нечеловеческого воя, соскочил с печи и бросился к окну. Все вокруг было затянато моросью, с крыш бежало, леса угрюмо темнели, горы обнажились, и на дороге проступили черные ребра, снег остался лишь в складках земли, в бороздах и под ельниками, да и его уже размыло в кашу. Запаханные под кукурузу луга неприятно чернели и дымилась, нахохленно сидели на хуторских тополях вороны и галки. Возле ближнего озера стояли мокрые и черные, будто вороны, пашкинские бабы и выли в

Астафьев Виктор Петрович Слякотная осень astafevvictor.ru
голос. Я вышел к ним. Тонкий лед отмыло от берегов, и копны озерной травы плавали в промытых лунках. Подступиться к ним было уже невозможно. – Отвернулся от нас Господь-батюшка, вовсе отвернулся! – словно по покойнику завывала Кузьмичиха и темным от назьма и земли кулаком терла лицо. – Чем мы его, Милостивца, прогневали, чем? – подпевала Кузьмичихе соседка ее, Анисья-тихоня, женщина с отечными подглазьями и фиолетовыми губами – у нее болели почки и сердце. Лечилась она травами, печенкой барсука и собачьим салом, да вот так и тянула тонкую нить своей жизни, готовую в любой миг оборваться. Их тут было шестеро, пашкинских женщин. Осталось шестеро. Остальные либо поумирали, либо подались к городским детям в няньки, шестеро самых яростных и терпеливых, такие беды переживших, невиданное терпенье выявивших в войну и послевоенные годы и вот из-за каких-то жалких копешек ударившихся в отчаяние. – На производство надо уходить, бабы, в леспромхоз... – закричала вдруг Анисья-тихоня, заметив меня. – Гори все огнем!.. – Кто нас ждет на производстве-то? – Здоровье мы здесь уходили, квалификации нет у нас никакой. – Мы токо на земле и от земли жить можем. – Так что же нам, сиротам, делать-то? Пропадать, видно? – с новой силой запричитали женщины. – Пропада-ать?! А мы и жисти-то поди не видели ишшо-о!.. – Мужиков и сынов наших война взяла, нас земля высосала... – О-о-ой, Х-хосподи!.. Дождь все шлепал и шлепал. Сквозь водяную пыль едва видны были крыши Выдрино на яру. Бригадир Чердаков не спускался оттуда. Он-то хорошо ведал, что его здесь, в Пашкино, ждет. Плач и вой разом оборвала решительно Кузьмичиха: – Зовите Еремея, бабы! – те перестали кричать, уставились на нее. – Пусть режет скотину – пировать будем! – И верно! Пропади все! Напьемся, напляшемся хоть... Еремей Чердаков покорно спустился в Пашкино, наточил ручным точилом нож и первую, перекрестившись украдкой, заколол подсадиству, ростом чуть больше сторожевой собаки-овчарки, корову Кузьмичихи, затем трех ее овец прирезал. Возился он со скотом Кузьмичихи до вечера, пообещав потом обслужить другие дворы, втайне надеясь, что бабы отойдут и пожалеют скотину. Пока Еремей обдирал и обихаживал скотину, Кузьмичиха нажарила мяса с картошкой, достала капусты из погреба, скатила с полатей лагуху браги. Анисья-тихоня принесла соленой сороги, аптечную запыленную бутылку с самогоном. И пошла гулянка. Кузьмичиха вынула из сундука мужнину гармонь, завернутую в половик, саратовскую гармонь, голосистую, с колокольчиком и, положив ее на прямые деревянные колени, деревянными же пальцами нажимала на одни и те же пуговки и, воинственно сверкая кривым зубом, хрипло кричала: Ух, ух, люблю двух! Погляжу – одна лежу!.. Пашкинские бабы, не умеющие плясать, бухали сапогами по хлябающим половицам, топтались грузно, неуклюже, и выкрикивали похабное, дикое, и плакали, и хохотали от срама. Побледневший Еремей трезво и робко уговаривал: – да, бабы! Да вы што?.. Очумели? – и сокрушенно крутил головой, жалуясь мне. – Никогда такого не было. Лопнула струна стальная и у их... Еремея напоили в конце концов. Он целовался со всеми бабами подряд, плясать пытался, да все валило его на хроющую ногу. Он разбил себе голову о скамью. Ее замотали полотенцем. В какой-то момент бабы принялись ругаться, сцепились за волосы, но тут заумирала Анисья-тихоня – от браги, и с нею начали привычно и дружно отваживаться. Кузьмичиха трахнула гармошку о стену, повалилась на колени перед иконой, начала молиться, истово бросая с плеча на плечо большую, что лопата, руку, биясь костлявым лбом об пол, с громким плачем просила наказать ее сей же момент. Бабы завывали, как перед светопреставлением, и начали брызгать на Кузьмичиху водой из ковша, Кузьмичиха схватилась за голову, повалилась на спину, зрочки ее увело под лоб. – Самогонки, самогонки в рот-то плесните, – деловито посоветовал Еремей. – Заклинилось сердце в ей. Кузьмичиха, поперхнувшись самогоном, очнулась от обморока и, шатаясь, пошла на кровать. Еремей церемонно поклонился присмиревшим женщинам, сказал: "Спасибо за угощение". Они сказали ему; "Спасибо за компанию". И мы отправились в Выдрино ночевать. Поднялись в полгоры, остановились отпыхаться. Внизу, за бельмасто сверкающими озерами, в холодной мороси тускло светились огни хутора. Разбежались пашкинские бабы по своим одичалым углам, в потустороннюю тишину погруженных темных изб. И, глядя на эти едва теплеющиеся огни, Еремей Чердаков ровно бы самому себе, но так, чтобы и я слышал, совсем почти трезво сказал: – Не осуждай и не кори наших баб. Пожалеть их надобно, за жись ихнюю... Сказал, всхлипнул чуть слышно и покарбался в гору. 1970

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Астафьев Виктор Петрович Слякотная осень astafevvictor.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!